

МИНЕРВА
СПЕНСЕР

Герцогиня -
дуэлянтка

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С71

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Minerva Spencer

THE WICKED WOMEN OF WHITECHAPEL 2:
THE DUELING DUCHESS

Перевод с английского *Е. Ильиной*

Компьютерный дизайн *Э. Кунтыш*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Спенсер, Минерва.

С71 Герцогиня-дуэлянтка : [роман] / Минерва Спенсер ; [перевод с английского Е. Ильиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 416 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-173687-3

Сесиль Трамбле потеряла всю семью во время Французской революции, но смогла обрести новую жизнь в Англии в качестве звезды странствующего цирка. Вот только ее избранник, наследник герцогского титула и любимец высшего света Гай Дарлингтон, отвергает чувства циркачки ради помолвки с богатой и знатной леди.

Судьба жестоко обходит с Гаем за его предательство. Неожиданное возвращение считавшегося давным-давно погибшим кузена лишает его и титула, и невесты. И лишь Сесиль может помочь ему начать все сначала. Но сперва бывшему герцогу придется научиться тому, чего он не делал ни дня в своей жизни, — честному труду.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Shantal LaViolette, 2022

© Перевод. Е.А. Ильина, 2023

ISBN 978-5-17-173687-3 © Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Пролог

Париж, 1794 год

— Манон Сесиль Трамбле Бланше! — прошипел Мишель Бланше.

Отец назвал ее полным именем, и это означало, что ею недовольны.

— Я тороплюсь, папа, — возразила девочка.

— Не очень-то похоже! — прошипел отец, больно схватив Сесиль за руку, и потащил за собой.

Но Сесиль не жаловалась и не возмущалась. Вот уже несколько месяцев ни она, ни ее отец не осмеливались появляться на улицах Парижа при свете дня, с тех самых пор, как покровитель отца герцог Ла Фонтен однажды ночью отправился на встречу с контрабандистом, который должен был вывезти их из Франции, но так и не вернулся.

О судьбе престарелого аристократа ничего не было известно до вчерашнего дня, когда отец Сесиль получил от него письмо. Судя по всему, герцог был арестован и брошен в печально известную тюрьму Ла Форс.

Сесиль очень любила герцога, ведь он был ей кем-то вроде дедушки, и все же ей хотелось, чтобы отец изыскал иной способ повидаться со стариком. А еще ей хотелось, чтобы этот способ не включал в себя необходимость следовать за ним.

— Он умирает, — ответил отец на вопрос Сесиль, почему им так необходимо ехать в эту ужа-

сную тюрьму. — Он поддерживал нас все эти годы, поэтому мы просто обязаны откликнуться на его просьбу прийти. Это меньшее, что мы можем для него сделать. Нам ничто не угрожает. Охранникам щедро заплатили за то, чтобы они пропустили к герцогу нас и священника. Господь нас защитит.

Сесиль было всего четырнадцать лет, но даже она знала, что Бог отвернулся от церкви и священников, по крайней мере во Франции. Всего несколько недель назад она прочитала о массовом убийстве безоружных священников и монахов, санкционированном государством.

Но даже приспешники действующего правительства более не были во Франции в безопасности — зверь пожирал сам себя. Только в прошлом месяце ненавидимый всеми и внушающий страх Робеспьер оправился на свидание с мадам Гильотиной.

Сесиль не была уверена, что отец говорит правду, ибо ей казалось, что всю жизнь ее окружали лишь жестокость и смерть. Да и существовала ли такая страна, где по улицам можно было ходить, не опасаясь ареста?

— Смотри, куда идешь! — прервал размышления девочки сердитый голос отца.

Подняв глаза, она поняла, что, витая в облаках, едва не столкнулась с тремя жандармами.

— Прости, папа, — прошептала Сесиль, взглянув из-под ресниц на блюстителей порядка, чтобы понять, не привлекло ли ее поведение нежелательного внимания. Но трое мужчин продолжили свой путь, о чем-то весело переговариваясь и не обращая никакого внимания на шарахавшихся от них прохожих.

Впереди виднелись очертания тюрьмы Ла Форс, напоминавшей восставшее из земли чудовище. Если прогулка по улице при свете дня показалась Сесиль просто

вестную тюрьму Франции — ведь Бастилия превратилась теперь в груды камней — и вовсе леденила кровь.

— Опустит глаза, дочка, — тихо произнес отец. — И помни, что ты не можешь говорить.

Сесиль коротко кивнула, придав своему лицу глуповатое выражение и ссутулившись под искусственным горбом, что приладил к ее плечу отец с помощью специальной липкой ленты. Это их соседка мадам Дюбуа научила отца пользоваться театральным гримом, и они вдвоем трудились над Сесиль до тех пор, пока та совершенно не узнала себя, взглянув в зеркало.

Они даже изменили ее волосы, втерев в них столько угольной пыли, что блестящие, почти черные локоны девочки превратились в тусклые грязновато-серые патлы.

Теперь она выглядела точно сгорбленная старуха, а когда приоткрывала рот и виднелись нездоровые зубы — тоже результат мастерства ловкой мадам Дюбуа, — то и во все походила на умалишенную.

Шаркая ногами, Сесиль следовала за отцом, который время от времени останавливался, чтобы поговорить с кем-нибудь из тюремщиков, и каждый раз разговор заканчивался глухим звоном монет. Новая Франция, возможно, и избавила общество от эксплуататоров в лице представителей аристократии и церкви, только вот их место тотчас же заняли бюрократы, в ужасающем количестве возникавшие на благодатной почве подобно сорнякам.

Наконец отец и дочь добрались до самого здания тюрьмы, но когда Сесиль уже вознамерилась последовать за отцом и его провожатыми в один из мрачных узких коридоров, ведущих к камерам, охранник схватил ее за руку.

— Старуха останется здесь.

Сесиль вдруг почувствовала, как ее сердце словно подпрыгнуло и застряло в горле, перекрыв доступ кислорода.

— Я заплатил и за нее, — возразил отец.

— Мне вы ничего не платили.

Сесиль не поднимала глаз, а посему скорее услышала самодовольную ухмылку в голосе охранника.

Отец сунул трясущуюся руку в карман своего старого поношенного пальто, в котором он не сразу нащупал зате-рявшуюся монету, и сказал, передавая ее охраннику:

— Это все, что у меня осталось.

Тот недовольно заворчал, разочарованный жалкой по-дачкой:

— А как насчет нее?

— Она выжила из ума, поэтому я не даю ей денег.

Охранник с отвращением фыркнул:

— Ладно, ступайте. У вас всего четверть часа.

Отец схватил Сесиль за плечо, и она пошаркала сле-дом за ним.

Они прошли мимо нескольких камер, заполненных дю-жинами заключенных. Все они зывали к ним, перекри-кивая друг друга, умоляли дать еды, просили что-то пере-дать родным.

Мишель Бланше старался идти быстрее, тащил за со-бой и Сесиль, но сопровождавший их тюремщик, каза-лось, был совершенно глух к мольбам и двигался со ско-ростью улитки.

Сесиль даже заскрежетала зубами, пытаясь сдержать рвущийся из горла крик. Ведь к тому моменту, как этот олух доставит их к камере герцога, отведенное на посеще-ние время истечет и им придется идти обратно!

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем сопро-вождающий остановился и сунул руку под полу тяжелого шерстяного пальто, какие носили все тюремщики. Про-мозглую тишину нарушил звон множества ключей. Охран-

ник еще целую вечность возился с замком, а затем
6 дверь открылась с таким громким лязгом металла,

что Сесиль и Мишель Бланше подскочили от неожиданности.

— Десять минут! — прорычал тюремщик. — И скажите священнику, что ему придется уйти вместе с вами.

Отец и дочь погрузились в почти непроглядную темноту камеры, единственным источником света в которой служил лишь чадающий огарок свечи.

Когда за ними с грохотом захлопнулась решетчатая дверь, Сесиль почувствовала себя запертой в склепе.

— Мишель? — послышался слабый голос из угла, где стояла свеча.

Когда глаза Сесиль немного привыкли к темноте, она увидела священника: он стоял на коленях перед герцогом, и в полумраке их фигуры сливались в одну большую тень.

— Я здесь, э-э... гражданин.

Сесиль съезжилась, когда отец едва не проговорился насчет титула узника. Казалось, что, кроме них, здесь никого нет, но они на собственном горьком опыте убедились, что зачастую даже у стен имелись уши.

— Ему осталось недолго, — произнес святой отец, поднимаясь на ноги и поворачиваясь к вошедшим.

Ему хватило ума не надевать воротничок священника, однако пальцы сжимали простые четки. Тусклое пламя свечи освещало его измученное лицо, и Сесиль заметила, как нахмурился священник, когда его взгляд скользнул по ее фигуре.

— Не знаю даже, что и думать. Девочка слишком юна, так что не может быть и речи о...

Отец откашлялся, перебив священника. С его стороны это выглядело довольно грубо и было совсем на него непохоже. Что собирался сказать святой отец? Что-то насчет нее? И почему?..

— Вы знаете причину, по которой мы на это пошли, — горячо зашептал отец. — И вы уже дали

свое согласие. И теперь, когда я потратил все до последнего су, вы решили передумать? Вы хотя бы понимаете...

Священник примирительно поднял руки:

— Я не отступлюсь от своего слова. Просто хочу убедиться, что она осознает то, что здесь должно произойти.

Сесиль озадаченно переводила взгляд с отца на священника.

— Папа? Что?..

— Ш-ш-ш.

Отец потянул ее за собой к герцогу, лежавшему на покрытом грязным одеялом соломенном тюфяке. Старик был настолько изможден и бледен, что Сесиль с трудом его узнала.

Отец почтительно склонил голову и неуклюже опустился на колени перед своим бывшим господином, потянув Сесиль за собой.

— Ваша светлость, — прошептал он, наклонившись, чтобы поднести к губам слабую руку старика и запечатлеть поцелуй там, где на коже виднелась вмятина от фамильной печатки. — Для меня честь, что вы обратились в трудную минуту ко мне.

Но взгляд герцога из-под тяжелых полуопущенных век был устремлен на Сесиль, а не на ее отца.

— Ты сказал Манон правду, Мишель?

Сесиль хотелось напомнить всем троим, что она здесь, стоит перед ними, и что теперь у нее другое имя, а не то, ненавистное первое, но это обидело бы отца, поэтому она промолчала.

Мишель Бланше в нерешительности открыл рот, а потом повернулся к дочери:

— Священник здесь для того, чтобы обвенчать тебя с его светлостью.

У Сесиль едва не отвалилась челюсть. Она хотела что-то сказать, но ничего не получалось.

В промозглой тишине тюремной камеры раздался тихий хриплый смешок.

— Я не могу осуждать тебя за такую реакцию, Манон.

Сесиль была ошеломлена, но ничего не могла с собой поделать. Да, ей было стыдно: она только что обидела умирающего. Этот человек несколько последних лет заботился о них с отцом как о членах своей семьи.

— Простите, ваша светлость. Я не хотела...

— Тише, дитя мое. Мне вряд ли стоило ожидать, что тебя обрадует брак с трупом. — Взгляд выцветших голубых глаз метнулся к священнику и вновь остановился на Сесиль. — Боюсь, у нас очень мало времени. Если не считать дальних, разбросанных по разным уголкам родственников, я последний представитель своего рода, Манон. Когда я умру, все, что у меня есть, перейдет к тем же шакалам, что разоряли меня на протяжении многих лет. Возможно, мое завещание может быть признано недействительным, но у супруги есть права, которых не сможет оспорить даже тот безбожный сброд, что схватил за горло нашу великую страну. Этот... этот кошмар не будет длиться вечно. И когда все закончится, ты, Манон, получишь все, что носит мое имя.

Отец сжал руку Сесиль, ошеломленно взиравшей на герцога. Она станет герцогиней?

Возможно, когда-то, когда она была совсем ребенком, подобная перспектива пробудила бы в ее душе несказанную радость, но теперь... теперь обладание этим титулом было сродни смертному приговору.

— Не молчи, Сесиль, — сердито прошептал отец.

— Конечно, я согласна. Почту за честь, — пробормотала девочка, когда отец сжал ее руку так сильно, что она поморщилась от боли.

Гордое лицо герцога осветилось такой благодарностью, что Сесиль устыдилась собственного пове-

дения. В конце концов, его светлость пошел на это, чтобы оставить все ей.

Вся их жизнь была исполнена лжи, укрывательства и тайн, так что еще одна тайна ничего не изменит.

Две недели спустя

Ветер дул с такой силой, что флагшток возле ветхой лачуги с закрепленным на нем потрепанным триколором гнулся почти параллельно земле. Сесиль пришлось кричать что есть силы, чтобы отец ее услышал.

— Наверняка он не выйдет в море в такую погоду!

— Он непременно будет здесь, — прокричал в ответ отец, а потом согнулся от очередного приступа кашля, которые за последнюю неделю случались все чаще.

— Папа! Это очень опасно. Давай вернемся в деревню. У нас еще достаточно...

Но отец лишь привычным движением рубанул рукой воздух. Достаточно!

Вздохнув, Сесиль плотнее закуталась в выдавшую виды черную шаль. Отец пообещал, что ей придется надеть этот отвратительный наряд в последний раз. Как ей надоело изображать пятидесятилетнюю старуху, в то время как ей едва исполнилось четырнадцать, прятаться день и ночь...

— Вон там! — Отец указал рукой на утлое суденышко, сражавшееся с волнами в попытке приблизиться к берегу.

Сесиль проследила за его рукой. Лодка напоминала ей один из тех хлипких бумажных корабликов, что она мастерила в детстве.

— *Mon dieu!** Мы же не можем плыть на этом!

Но отец либо не услышал ее, либо попросту не захотел отвечать, и вместо этого решительно направился к лодке.

Его напряженная спина свидетельствовала о том, что он боролся с очередным приступом кашля.

Сесиль поспешила следом и обняла его за плечи, ставшие совсем костлявыми. Отец вообще худел с ужасающей скоростью, а ведь всего месяц назад был еще крепким и свирепым. Мишеля Бланше нельзя было назвать крупным мужчиной, хотя силой он обладал недюжинной. И вот теперь от него осталась лишь оболочка, да и та с каждым днем становилась все тоньше, но упрямство его никуда не делось. Им следовало остаться на берегу. Ведь ему необходимо лечь в постель.

Сесиль стиснула зубы, когда отец вошел в воду, чтобы схватиться за борт лодки, потом крикнула:

— Останься здесь! Я ему помогу.

Кивнув, отец тотчас же закашлялся.

Сесиль просунула подол платья между ног и заправила его за лиф, обнажив ноги до середины бедер. При иных обстоятельствах это выглядело бы неприлично, но сейчас никому не было до этого дела.

При ближайшем рассмотрении лодка оказалась еще меньше. Неужто отец лишился рассудка? Двое мужчин, что в ней сидели, были такими громилами, что занимали почти все пространство, но без них не обойтись. Им придется грести, ибо крошечный парус совершенно бессилен перед свирепыми порывами ветра.

Сесиль помогла отцу забраться в лодку, а потом залезла и сама, после того как оттолкнула ее от покрытого галькой берега. Несмотря на предусмотрительно задранный вверх подол, платье промокло насквозь.

Съездившись от холода, Сесиль с отцом устроились на носу лодки, в то время как два великана налегли на весла. Отец что-то вложил в руку девочки, и, опустив глаза, она увидела небольшой кожаный кошель, который он всегда носил с собой.

— Папа, почему...

Отец вложил в ее руку еще и сверток из непромокаемой ткани, который тоже всегда держал при себе. В нем хранились чертежи пистолетов, документы семьи, брачное свидетельство Сесиль, а так же копия завещания герцога.

Вместо того чтобы спорить с отцом — ибо в такую погоду это было попросту невозможно, — Сесиль убрала кошель в карман, пришитый к нижней юбке и застегивавшийся на три пуговицы. Сверток с документами оказался слишком большим, поэтому она сунула его в потрепанную кожаную сумку, в которой хранилась смена одежды и миниатюрный портрет матери.

У отца имелась точно такая же сумка. Только в нее он сложил все свои сохранившиеся инструменты. Ведь когда-то Мишель Шарль Бланше служил личным оружейником последнего короля Франции Людовика XVI. Сесиль забрала и ее, перекинула через другое плечо. В ответ отец слабо сжал ее руку. Они прильнули друг к другу, и теперь Сесиль ощущала, что с наступлением темной, совершенно беззвездной ночи тело отца все сильнее дрожит. А шторм все усиливался. Волны бились о борта лодки с такой силой, словно они находились не в проливе, а посреди океана.

Сесиль знала, что взявшиеся вывезти их из Франции мужчины вовсе не рассчитывали грести на протяжении двадцати одной мили, надеясь поднять парус, едва только позволит погода, поэтому вскоре они выбились из сил и были вынуждены грести по очереди.

Один гнетущий час сменялся другим, и Сесиль уже не чувствовала ничего, кроме своих собственных страданий. Ее руки заледенели, одежда промокла насквозь, а нескончаемые завывания ветра заглушали все остальные звуки.

— Мы возвращаемся! — словно вырвал Сесиль из ада громкий возглас, и она взглянула на гребцов.

Она не знала, кто из них выкрикнул эти слова, но оба выглядели полумертвыми от усталости. Один из гребцов указывал на молнию, осветившую небо слева от них. Один за другим огненные зигзаги прорезали темноту ночи и как будто двигались в их сторону.

Мужчины отчаянно взмахивали веслами, словно вознамерились потягаться с самой матерью-природой.

Сесиль повернулась к отцу и прокричала над его склоненной головой:

— Папа! Мы возвращаемся!

Но отец не шевелился. Его голова запрокинулась, тяжесть тела потянула назад, и он свалился со скамьи на спину, устремив на Сесиль невидящий взгляд широко раскрытых глаз.

— Папа!

Ослепляющая вспышка разлилась по небу, и волосы на затылке Сесиль встали дыбом. Один из гребцов закричал и вскочил на ноги, выронив из рук весло, в то время как его товарищ рухнул лицом вниз, охваченный пламенем.

Лодка угрожающе накренилась, когда уцелевший мужчина споткнулся, а потом и вовсе перевернулась под тяжестью перевесившего ее тела.

Сесиль вцепилась в планширь, когда мир перевернулся с ног на голову, увлекая ее за собой. Вода заглушила ее крик, а одна рука застряла в лямках сумок, крест-накрест перекинутых через плечи, которые теперь удерживали ее под перевернутой лодкой.

Набрав полный рот воды и едва не захлебнувшись, Сесиль попыталась высвободить руку, которую лямки одной сумки каким-то образом привязали к уключине. Сесиль потянула что есть силы и тут же закричала от боли, когда ее рука вывернулась и хрустнула.

Прижав руку к груди, девочка принялась дрыгать ногами в попытке вынырнуть на поверхность,

но когда ее голова ударилась о дерево, поняла, что оказалась в ловушке под лодкой, где осталась небольшая прослойка воздуха.

Пошарив здоровой рукой у себя над головой, Сесиль нащупала прикрепленную к лодке веревку и крепко за нее ухватилась, чтобы не уйти под воду. Вокруг царила зловещая тишина, нарушал которую лишь плеск воды о деревянные борта и ее собственное прерывистое дыхание.

Отец мертв.

Эта внезапная мысль оказалась сродни удару ножа в грудь. Сесиль не плакала много лет — с тех самых пор, как санкюлоты* сожгли дотла замок герцога. Отсутствие герцога, находившегося в то время в Париже, не помешало разъяренной толпе перебить слуг — людей, которых Сесиль считала своими друзьями и семьей.

А теперь она лишилась и отца.

Даже если ей удастся выжить, она останется совсем одна.

«В Англии у нас есть кузен, — не раз говорил ей отец. — И если тебе вдруг понадобится помощь, ты всегда можешь обратиться к нему». Про этого кузена, кроме имени — Кертис — она ничего не знала и ни разу в жизни его не видела, а других родственников у нее не было.

Маячившее впереди мрачное будущее оказалось даже более тяжелой ношей, нежели промокшая одежда, тянувшая Сесиль ко дну. Было бы так просто разжать пальцы и, погрузившись в забвение, присоединиться к отцу.

Однако рука отказывалась отпустить веревку. И когда воздух под лодкой стал настолько спертым, что заболели легкие, Сесиль с силой заработала ногами и, выбравшись

* Так аристократы называли представителей городской бедноты; в годы якобинской диктатуры — самоназвание революционеров. — *Здесь и далее примеч. пер.*

из-под лодки, прильнула к ее корпусу, пока вокруг неистовствовал шторм.

Спустя несколько часов, когда ливень превратился в легкую морось, а порывы ветра — в безобидный бриз, Сесиль все еще держалась за лодку, наблюдая за тем, как первые лучи рассвета окрасили горизонт и расстилавшийся впереди берег Англии.